

ства и способы остановить, обуздать всякого злодѣя, приближающагося къ священному нашему зданію, съ цѣллю подкопать, поколебать его!... Если, не дай Богъ, зданіе это когда-нибудь рухнетъ, или только поколеблется, виноваты будемъ—*сами мы!*...

Было время—ереси и расколы въ Россіи дѣйствительно имѣли религіозную подкладку (да и то съ оговоркой!), но теперь совсѣмъ не то! Теперь всѣ эти проповѣдники новыхъ вѣръ или приходятъ къ намъ изъ заграницы, подсылаемые иноземными завистниками нашего политического могущества, или же это наши *домашніе враги*, скрытые безбожники и анархисты, которымъ претитъ и Православіе и единодержавіе, и все, чѣмъ мы живемъ и дышемъ,—и которымъ желалось-бы все это нисровергнуть.... Съ такимъ ли людьми церемониться?.. Рѣдко, рѣдко между новыми проповѣдниками появится полупомѣшанный фанатикъ, или человѣкъ, прельщенный сатаною, увѣровавшій въ самого себя, а потому далѣе самого себя ничего и не видящій...

Книжечка графа Толстаго: «Чѣмъ люди живы?» случайно попала въ нашу глушь: принесъ ее одинъ богомолецъ изъ Москвы. При этомъ онъ рассказалъ, что графъ Толстой въ настоящее время вдался въ область религіи, пишеть много для народа, и все въ такомъ же духѣ, какъ принесенная книжечка,—что онъ написалъ даже свое толкованіе на Евангеліе и издалъ книгу, подъ заглавиемъ: «Въ чёмъ моя вѣра?». *Моя вѣра!* Вотъ и достаточно, совершенно достаточно этихъ двухъ словъ! Извѣстно ли вамъ, графъ Толстой, что мы, православные, твердо и непреложно убѣждены въ томъ, что едина правая и спасительная вѣра—это вѣра православная, и что *енъ ея нѣть спасенія?* Представьте же себѣ, что мы, имѣя такое убѣженіе, дозволили бы вамъ и вся кому безпрепятственно проповѣдывать *свою* вѣру: что изъ этого вышло-бы? Что тогда можно было бы сказать о насъ! И